

Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Второй мировой войны

Abstract:

Valeva E.L. *Bulgarian foreign-policy orientation on the eve of World War II.*

Graduate dismantling of the Versailles system was met in Bulgaria with relief; nevertheless the country had no potential for a self-consistent revision of the Treaty of Neuilly-sur-Seine. That is why she had to search for the international support. The main carrier of the idea of revision of the post-World War I treaties was Nazi Germany, which supported territorial changes in the Balkans. On the contrary, England and France were fighting for the maintenance of status quo. The USSR started a diplomatic fight for Bulgaria as well, the Bulgarian authorities, however, were scared of «Sovietization» and were ready for some restrained and dosed improvement of relationship with the USSR. Not long before World War II, Tsar Boris III strived for implementing policy of maximal temporizing and manoeuvring when determining the foreign orientation of the country. However, the international environment given was rather unfavourable, the authoritarian regime had to make a decision, which later would prove to be fatal.

Ключевые слова: история Болгарии, Нейский договор, Вторая мировая война, болгаро-германские отношения, болгаро-советские отношения, советско-германский пакт о ненападении, царь Борис III.

Статус-кво Болгарии в межвоенный период определялся Нейским договором 1919 г., в силу которого она лишилась значительной части своей территории и вынуждена была платить непосильные репарации. Страны-победительницы жестоко наказали побежденных в Первой мировой войне и тем самым заложили основы следующего опустошительного военного конфликта.

С середины тридцатых годов внешнеполитический курс Болгарии определялся обстановкой надвигающегося мирового конфликта, усиливающимся экономическим и идеологическим проникновением Германии на Балканы и превращением этого региона в объект ожесточенной борьбы между великими державами за установление там преобладающего влияния¹. Однако, несмотря на сильное дипломатическое давление со всех сторон, царь Борис III и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться. При этом правящие круги Болгарии ясно сознавали, что геополитическое положение страны и ее экономические связи не позволят ей долго оставаться в стороне от разгорающегося международного конфликта.

Еще в годы предвоенного политического кризиса перед царем Борисом, сосредоточившим с 1935 г. в своих руках непосредственное управление государством, встали две по сути противоречившие друг другу задачи: с одной стороны, решение национально-территориальной проблемы, а с другой – сохранение страны в стороне от надвигавшейся кровопролитной схватки. Борис понимал, что именно новая мировая война, которой он так боялся, может ликвидировать статус-кво, являвшийся последствием Нейиского мирного договора 1919 г., несправедливого в глазах почти каждого болгарина. Однако, учитывая то обстоятельство, что все соседние государства были объединены против Болгарии в пакты и союзы именно с целью сохранения статус-кво, София говорила о своих ревизионистских устремлениях очень осторожно, неизменно подчеркивая, что она выступает лишь за мирное их разрешение.

Радикальное изменение международной обстановки заставило Болгарию определить свою позицию. 15 сентября 1939 г. правительство Георгия Кыосеванова выступило с декларацией о полном нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей предписывалось делать акцент на ее миролюбии. Нейтралитет был поддержан большей частью болгарского населения, поскольку воспоминания о двух национальных катастрофах были все еще свежи в народном сознании. Он приветствовался и основными демократическими политическими партиями – демократами, «земледельцами», социал-демократами и др. Маневрируя между великими державами – Германией, Англией, Францией, Италией и Советским Союзом, царь Борис в контактах с их представителями стремился доказать, сколь выгоден для каждой из них нейтралитет Болгарии. В то же время еще накануне войны начала обозначаться линия болгарского руководства на постепенное сближение с Германией.

Причин тому было несколько. Прежде всего, национал-социалистская Германия была носителем тех тенденций в европейской политике, от реализации которых Болгария объективно могла ожидать выполнения своих ревизионистских требований – возвращения Южной Добруджи Румынией, получения выхода к Эгейскому морю от Греции, а также присоединения Вардарской Македонии. Помимо общего стремления к пересмотру Версальской системы, будущему политическому сближению Болгарии с Германией способствовала тесная связь болгарской экономики с германской и зависимость вооружения болгарской армии от германских поставок. Тем не менее, осторожный царь Борис пытался избежать рискованного одностороннего выбора. Пытаясь сориентироваться в сложном лабиринте международных отношений, решение своих территориальных проблем Болгария стремилась искать в договоренности с несколькими великими державами.

Большие надежды в этом плане болгарский монарх возлагал на заключенный 23 августа 1939 г. советско-германский пакт о ненападении, открывавший путь к ревизии Парижских мирных договоров 1919 г. военным путем. В заключении этого пакта болгарское правительство увидело весьма благоприятное для себя решение, предоставлявшее возможность сближения и сотрудничества с обеими странами, от которых, по его мнению, теперь зависело разрешение территориальных проблем Болгарии. В то же время одним из последствий пакта было дальнейшее ослабление английского и французского влияния на внешнюю политику Болгарии.

Советско-германский пакт по разным причинам был встречен одобрительно как широкими народными массами, так и прогермански настроенным правительством Г. Кьосеванова². Последний выразил свое удовлетворение этим событием перед германским посланником в Софии: «Заключение германо-советского пакта убедило также прежних противников “шагания в ногу” Болгарии с Германией в правильности политики болгарского правительства. Вся страна восприняла пакт с радостью и большим облегчением»³. Немецкие наблюдатели сообщали в своих донесениях из Софии, что советско-германский договор был воспринят болгарским населением восторженно, многие отмечали это событие как праздник, как успех Болгарии⁴.

Посланник Болгарии в СССР Н. Антонов 4 сентября 1939 г. в беседе с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым выразил уверенность, что после заключения пакта «советско-болгарские отношения еще более улучшатся, ибо если раньше было некоторое недоверие между народами Болгарии и СССР, то теперь его уже быть не может»⁵. Действительно, с лета 1939 г., параллельно с усилением прогерманской ориентации Болгарии, наблюдается заметное улучшение ее отношений с СССР. Продолжительный застой, наступивший практически сразу после восстановления дипломатических отношений между Болгарией и СССР в 1934 г., не был случайным. Он объяснялся слабым интересом, который Советский Союз проявлял к Балканам вообще и к Болгарии в частности, а также общим антиревизионистским направлением советской внешней политики. Москва полагала, что дружба с Турцией обеспечивает ей привилегированное положение в Черном море и Проливах. Между тем политическая ситуация в Европе развивалась таким образом, что советскому руководству пришлось пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты. Еще на конференции 1936 г. в Монтре оно осознало, что уже не может рассчитывать на турецкую гарантию в отношении Дарданелл, поскольку после итало-абиссинской войны Турция стала открыто ориентироваться на Англию. Это не могло понравиться советскому правительству, так как ему было ясно, что возможный англо-турецкий союз неблагоприятно отразится на равновесии сил на Ближнем Востоке и автоматически выдвинет на передний план вопрос о Черноморских проливах.

Посещение Софии в конце апреля 1939 г. заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным свидетельствовало о том, что в связи с новым соотношением сил в Средиземноморском бассейне Кремль начал проявлять повышенный интерес к Болгарии, которая в силу своего географического положения и своих исторических связей с Россией могла бы сыграть значительную роль в балканской политике Советского Союза. Основные цели этой политики были четко изложены в телеграмме наркома иностранных дел В. М. Молотова, направленной Потемкину в Анкару, куда тот прибыл в начале мая в ходе своей балканской миссии. «Имейте в виду, что в истории Стамбул брался всегда с суши, со стороны Болгарии, – писал Молотов. – Чтобы ликвидировать этот недостаток, нужно добиваться того, чтобы Болгария включилась в общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии. Отсюда необходимость переуступки болгарам Южной Добруджи»⁶. Таким образом, в деле обеспечения безопасности СССР со стороны Черного моря и турецких проливов главный упор делался на налаживание сотрудничества как с Турцией, так и с Болгарией, причем привлечь на свою сторону Софию предполагалось путем уступки ей Южной Добруджи, захваченной Румынией после Второй балканской войны⁷.

Ярким проявлением перемены в отношении СССР к Болгарии был прием группы депутатов болгарского парламента в Москве в августе 1939 г. Болгарская делегация, официально прибывшая для посещения Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, была повсюду встречена подчеркнуто радушно. Она имела встречи и контакты с видными советскими государственными деятелями, а 9 августа была принята в Кремле В.М. Молотовым. Центральным вопросом на встрече стала внешнеполитическая ориентация Болгарии, как на текущий момент, так и в будущем. На дважды заданный Молотовым вопрос, не взяла ли Болгария на себя каких-либо внешнеполитических обязательств, председатель комиссии по иностранным делам Народного собрания Г. Говедаров дал категоричный ответ: «Болгария внешнеполитически ни с кем не связана и строго следует линии лояльного, эффективного и исчерпывающего нейтралитета. В Берлине шеф болгарского правительства г-н Кьосеиванов⁸ не принял никаких обязательств, ни военных, ни политических»⁹. Не вполне удовлетворенный этим ответом, присутствовавший на встрече замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозов попросил Говедарова пояснить: «что означает в сущности ваш строгий, лояльный и эффективный нейтралитет?»¹⁰. Говедарову не удалось скрыть того факта, что болгарский нейтралитет находится в экономической зависимости от Германии. Это не ускользнуло от внимания Деканозова, который довольно жестко заметил, что события заставят Болгарию определиться.

На встрече был поднят и большой для Болгарии вопрос о ревизии Нейского мирного договора. Молотов категорично высказался за возвращение Болгарии Южной Добруджи, а также, хотя и в более сдержанной форме, за

обоснованность требования выхода Болгарии к Эгейскому морю. Подчеркнув, что Советский Союз желает, чтобы на Балканах существовала сильная Болгария и что он готов оказать ей всяческое содействие, Молотов в то же время предупредил, что «если кто-то в Софии думает открыть дорогу на Стамбул немцам и итальянцам, то пусть знает, что натолкнется на решительное противодействие Советского Союза»¹¹. С этой оговоркой Молотов пообещал содействие Болгарии как в экономической, так и в политической областях и сказал, что необходимо заключить торговое соглашение.

Подводя итоги визита делегации Народного собрания, болгарский посланник в Москве Н. Антонов в своем пространном донесении в МИД справедливо отмечал, что международная ситуация складывается так, что Советский Союз заинтересован теперь в заключении соглашения с Болгарией. Оно необходимо ему прежде всего для того, чтобы помешать сотрудничеству Болгарии с Германией и Италией в зоне, имеющей жизненно важное значение для СССР. Поэтому посещение болгарской делегации не останется без результатов, первым из которых будет заключение торгового договора, который Москва подпишет «по чисто политическим, а совсем не по экономическим соображениям». Но еще важнее – это стремление Москвы сделать Болгарию своим союзником, добиться гарантии, что Болгария ни в коем случае не окажется в стане врагов СССР. Если авансы Москвы будут отвергнуты, предупреждал Антонов, то может возникнуть острая реакция, которая даст «свободный ход всем турецким и румынским интригам против Болгарии». Чтобы предотвратить эту опасность, Антонов советовал, «не поддерживая официально союзнический темп, ... поддерживать разговоры... И поскольку речь идет о чисто моральной гарантии, не могли ли бы мы заключить эвентуально пакт о вечной дружбе, какой мы уже имеем с Югославией и Турцией, и который, полностью успокоив Советский Союз, ни к чему конкретному нас не обязывает?»¹².

Дальнейшее развитие событий подтвердило новый курс советской политики на Балканах. Пакт о ненападении с Германией, а затем в еще большей мере – советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. лишили смысла важный советский внешнеполитический постулат – борьбу «против фашизма» и «против агрессора». Одновременно не мог не исчезнуть и антиревизионизм советской политики. СССР не только принял принцип ревизии, но и приступил совместно с Германией к его реализации. Особое значение Сталин придавал пересмотру системы управления Черноморскими проливами, чтобы преградить доступ туда иностранным судам. Болгария, представлявшая собой сухопутный мост к турецким проливам, эвентуально становилась одним из центральных звеньев советской системы безопасности.

Осенью 1939 г. советское правительство впервые выразило желание придать отношениям между двумя странами солидную договорную базу. В

сентябре царь Борис, обеспокоенный сообщениями о предстоящих действиях англо-французского блока на Балканах и против Болгарии, решил прозондировать вопрос о возможной помощи со стороны Советского Союза. 19 сентября Антонов встретился для этого с Деканозовым, а на следующий день – с Молотовым. Нарком высказался в том смысле, что советское правительство может оказать воздействие на Турцию, но оно желает знать точно, чего именно хочет Болгария, хочет ли она помощи от СССР и в какой форме. Когда же Антонов ответил весьма неопределенно, Молотов предложил заключить договор о взаимной помощи¹³. Антонов обещал запросить свое правительство и дать ответ.

Однако подобное развитие событий никак не входило в планы болгарских властей¹⁴. Отказываясь заключить с Москвой пакт о взаимной помощи, София надеялась в то же время на успех проходивших в октябре 1939 г. советско-турецких переговоров, которые уменьшили бы угрозу балканской операции западных держав и, соответственно, ввязывания Болгарии в балканский конфликт. Когда же турецкий министр иностранных дел Ш. Сараджоглу 17 октября уехал из Москвы с пустыми руками, а 19 октября Турция подписала пакт о взаимной помощи с Англией и Францией, царь Борис выразил мнение (а скорее – опасение), что «теперь для русских Болгария “возрастет в цене”»¹⁵. Он боялся, что «русские в их стремлении к Дарданеллам могут уготовить Болгарии такую же роль, как Эстонии относительно портов на Балтийском море»¹⁶.

В то же время София придавала важное значение отношениям с СССР, от которого надеялась получить поддержку при решении болгарского национального вопроса (то есть возвращения территорий, утраченных по Нейнскому договору). Так, в 1939–1940 гг. между двумя странами были подписаны договоры о торговле и мореплавании, а также соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией. Параллельно с экономическими связями накануне войны развивались и контакты в области культуры, точнее, расширялось культурное влияние СССР в Болгарии. После заключения германо-советского пакта болгарское правительство вынуждено было примириться с усилением советской пропаганды в Болгарии путем распространения научной и художественной литературы, газет и журналов. В Софии и Варне были открыты магазины по продаже советских книг. В кинотеатрах с огромным успехом демонстрировались советские фильмы. Шире развернули свою работу общества болгаро-советской дружбы. Все это способствовало росту среди болгарской общественности симпатий к СССР¹⁷. Исключительно благоприятные условия возникли и для усиления позиций и активизации деятельности Болгарской рабочей партии (БРП), которая стала широко использовать различные легальные формы проявления. Власти были вынуждены закрывать глаза на многие действия коммунистов, хотя и прекрасно понимали, что за ними стояла Москва.

Таким образом, в конце 1939 – начале 1940 гг. Болгария придерживалась линии на сдержанное и дозированное улучшение отношений с СССР, но без перехода критической черты – заключения политических договорных обязательств в виде пакта о взаимной помощи.

В отношениях с Германией накануне войны Болгария продолжала «шагать в ногу» и согласовывать с ней свои важные внешнеполитические действия. В этот период Германия еще не проявляла той чрезвычайной политической активности на Балканах, которую она развернула немного позже (с весны 1940 г.), и ее пока вполне устраивал прогерманский нейтралитет Болгарии и теснейшие экономические связи между двумя странами. С середины 30-х годов XX в. торговый обмен между двумя странами непрерывно возрастал, и к 1939 г. Германия уже занимала более 1/3 объема болгарского экспорта и импорта. Она не только закупала большую часть продуктов болгарского земледелия, но и проникла очень глубоко в экономику страны¹⁸. Всесторонняя зависимость болгарского производства и болгарского рынка от Германии была результатом не только экономической экспансии рейха, но и пассивности хозяйственной политики других крупных индустриальных стран (в том числе и СССР – до начала 1940 г.). Об этом говорил еще в июле 1939 г. Антонов Потемкину: «Болгарскому правительству нельзя не считаться с Германией. Достаточно напомнить, что 80 % болгарского экспорта идет в Германию. Конечно, экономическая зависимость Болгарии от одной страны представляется для болгарского правительства стеснительной и нежелательной. Однако, вместе с тем, она является прискорбной необходимостью, ибо ни Англия, ни Франция, ни Советский Союз не проявляют никакого желания экономически поддерживать Болгарию – хотя бы путем закупки более или менее значительной части ее продукции, предназначенной для экспорта»¹⁹.

В силу стечения целого ряда внешних и внутренних факторов за полтора года Болгария прошла путь от нейтралитета до союза с гитлеровской Германией. Решающими среди них были задача возвращения утраченных в 1919 г. территорий и стремление болгарского руководства уберечь свою страну как от непосредственного участия в военных действиях, так и от коммунистического влияния. К середине 1941 г., казалось, удалось достичь этих целей: менее, чем за год, без единой капли крови была осуществлена мечта болгарского народа о возвращении территорий, отторгнутых по условиям Нейского договора. После завершения балканской кампании вермахта Болгария ввела 19–20 апреля 1941 г. свои войска в принадлежавшие Югославии и Греции районы Македонии, Западной Фракии и так наз. Западные территории, которые рассматривались Софией как болгарские национальные земли. Вместе с Южной Добруджей территория Болгарии увеличилась на 50%, а население – на треть. Мало кто в Болгарии мог в то время понять всю иллюзорность сложившейся ситуации.

Болгарская внешняя политика накануне и в годы Второй мировой войны – вопрос, который продолжает по сей день волновать историков и получает противоположные оценки. Как известно, подписав 1 марта 1941 г. Тройственный пакт, Болгария вступила во Вторую мировую войну на стороне фашистской Германии. Правильность решения царя Бориса III и правительства в исторической науке оспаривается. Одни ученые полагают, что присоединение Болгарии к Тройственному пакту было геополитически и экономически predetermined. Другие придерживаются мнения, что София проявила стратегическую недалекость, вновь выбрав проигравшего союзника, и считают, что Болгария должна была твердо придерживаться политики нейтралитета.

На наш взгляд, на примере Болгарии вновь найдла подтверждение известная истина, что малые страны, в особенности расположенные в зоне скрещивания геостратегических интересов великих держав, не имеют особых возможностей для выбора. Они всегда являются яблоком раздора, разменной монетой и фактически не могут отстаивать свои подлинные национальные интересы. В исключительно трудной международной обстановке царь Борис приложил максимум усилий для того, чтобы оградить свою страну от разгоравшегося военного пожара, а когда стало очевидно, что это невозможно – как можно дольше оттягивать момент вступления в союз с Германией.

Примечания

¹ См., напр.: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война. // Годишник на Софийския университет. Т. LXI. Кн. III. София, 1968; *Сирков Д.* Външната политика на България. 1938–1941. София, 1979.

² Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и реакция на его заключение в Болгарии // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее – ADAP). Serie “D”. Bd. VII. Baden-Baden. 1958. Dok. 314.

⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1257. Оп. 1. Д. 28. Л. 33.

⁵ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т. XXII: В 2-х кн. Кн. 2. 1939 год. М., 1992. Док. 538. С. 23.

⁶ Там же. Кн. 1. Док. 271. С. 328.

⁷ См. также: *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 53–54.

⁸ Речь идет о поездке Г. Кыосеванова в Берлин, где 5 и 6 июля 1939 г. состоялись его встречи с Гитлером и Риббентропом.

⁹ Научен архив на Българската академия на науките (далее – НА БАН). *Стойчо Мошанов.* Из спомениите ми. Сб. IV. Оп. 110. А.е. 157. Л. 420.

¹⁰ Там же. Л. 422.

¹¹ Архив на Министерство на външните работи (далее – АМВнР). Оп. 1ш. Д. 17. А.е. 120. Л. 80.

¹² Там же. Л. 82–83.

¹³ Там же. Л. 123; Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. 1917–1944. Т.1. М., 1976. С.465.

¹⁴ Там же. С. 468–469.

¹⁵ Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes (далее – ПА АА). Bestand: Büro des Staatssekretärs. Akten betr. Bulgarien. Bd. I. Телеграмма германского посланника в Софии Рихтхофена в Берлин от 18.10.1939.

¹⁶ Ibidem. Донесение Вайцзеккера в МИД Германии от 27 октября 1939.

¹⁷ Подробнее см.: *Валев Л.Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 164–166.

¹⁸ Об экономической экспансии Германии в Болгарии см., напр.: *Валев Л.Б.* Указ. соч. С. 189–201; *Беров Л.* Германский капитал и България през годините на Втората световна война // Българо-германски отношения и връзки. Т. 2. София, 1979. С. 243–304; *Никова Г.* Историческая судьба Болгарии: между Германией и Советским Союзом. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Спб, 2002. С. 275–290.

¹⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 1. Пап. 6. Д. 56. Л. 8.